

Научная статья

УДК 82.01/.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-6-100-112

СКОРБНЫЙ ПУТЬ К ВОСТОКУ В ПОВЕСТИ А. С. НЕВЕРОВА «ТАШКЕНТ – ГОРОД ХЛЕБНЫЙ»

Санатов К. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kirill.sanатов@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2025

После доработки 11.08.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Аннотация

Цель. Аналитическое рассмотрение образа Востока в повести А. С. Неверова «Ташкент – город хлебный» и исследование сюжетобразующего мотива пути главного героя в Узбекистан.

Процедура и методы. В ходе исследования были задействованы сравнительно-сопоставительный, историко-литературный и биографический методы. Основное содержание исследования составляет анализ смысловых акцентов неверовской повести, явившейся результатом наблюдений писателя за судьбой соотечественников в период социально-исторических потрясений в послереволюционной России 1920-х гг.

Результаты. Проведённый анализ показал изменения в мировоззрении главного героя – от идеализированного понимания Востока к реалистическому взгляду на мир и возвращению к правилам поведения русских крестьян в финале повести. Этот аспект выявляется в тексте благодаря вниманию к многочисленным сюжетно-композиционным звеньям и деталям, позволяющим проследить изображение Востока, трагических и драматических ситуаций и встреченных героем попутчиков. По итогам исследования сделан вывод об общем для русского и восточных народов трудовом пути.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в определении семантики ключевых эпизодов повести, отражающих соотношение пути главного героя с долей тысяч людей, подхваченных стихией произошедших в стране разрушительных перемен. Практическое значение имеет возможность применения материалов статьи для толкования позднего творчества Неверова в соотношении с исторической действительностью, современником которой был писатель, а также в образовательной и педагогической деятельности преподавателя вуза и средних учебных заведений.

Ключевые слова: Восток, мечта, общетрудовой путь, скорбный путь, Ташкент

Для цитирования:

Санатов К. В. Скорбный путь к Востоку в повести А. С. Неверова «Ташкент – город хлебный» // Отечественная филология. 2025. № 6. С. 100–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-6-100-112>.

Original research article

THE SORROWFUL WAY TO THE EAST IN A. S. NEVEROV'S STORY “TASHKENT, THE CITY OF BREAD”

K. Sanatov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kirill.sanатов@mail.ru

Received by the editorial office 27.06.2025

Revised by the author 11.08.2025

Accepted for publication 12.08.2025

Abstract

Aim. To review analytically the image of the East in A. S. Neverov's novella "Tashkent, the City of Bread" and to study the plot-forming motif of the protagonist's journey to Uzbekistan.

Methodology. The research involved comparative, historical, literary, and biographical methods. Analysis of the semantic accents in Neverov's story based on the writer's observation of his compatriots' fate during social historical upheaval in post-revolutionary Russia in the 1920s is the main concern of the study.

Results. The analysis has showed how the main character's worldview was changing from an idealized understanding of the East to a realistic view of the world, and then to Russian peasants' behavior again in the finale of the story. This aspect is revealed in the text due to attention to numerous plot-compositional links and details that made it possible to trace the image of the East, tragic and dramatic situations, and fellow travelers encountered by the character. Based on the results of the study, a conclusion was drawn about the common work path of Russian and Eastern people.

Research implications consist in defining the semantics of key episodes in the story, reflecting the correlation between the protagonist's journey and the proportion of thousands of people caught up in the destructive changes that engulfed the country. Practical significance lies in the potential application of the article's materials to interpret Neverov's late works in relation to the historical reality of which he was a contemporary, as well as in the educational and pedagogical work of university and schoolteachers.

Keywords: East, dream, common labor path, sorrowful path, Tashkent

For citation:

Sanatov, K. V. (2025). The Sorrowful Way to the East in A. S. Neverov's Story "Tashkent, the City of Bread." In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 6, pp. 100–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-6-100-112>.

Введение

В данной статье внимание сосредоточено на образе Востока и мотиве пути из срединной России к Узбекистану в повести А. С. Неверова «Ташкент – город хлебный». Символом Востока и надежд главного героя на лучшую долю и благоденствие в произведении становится город Ташкент, сложный путь к которому здесь является сюжетообразующим. Рассматриваемая повесть была опубликована в 1923 г. советским издательством «Земля и фабрика». Впоследствии, к 1928 г., произведение Неверова было несколько раз переиздано, что подтверждает, насколько злободневной получилась повесть и насколько правдиво она отразила тяжёлое положение жителей Поволжья во время массового голода на этих землях в начале 1920-х гг.

Для самого А. С. Неверова эта повесть стала одним из наиболее важных и лич-

ностно значимых произведений, т. к. писатель не понаслышке знал о страшном голоде в Поволжье и о стремлении тысяч потерявших надежду на спасение от смерти крестьян найти дешёвый хлеб в Средней Азии. Сам Неверов в 1921 г. совершил поездку в Ташкент вместе со своим братом П. С. Скобелевым и другом-литератором Н. А. Степным. В пути он увидел многих соотечественников, которые из последних сил цеплялись за уходящие на восток поезда, а также огромное количество беспризорников, выпрашивающих хлеба у пассажиров. Автор биографии А. С. Неверова и исследователь его творчества В. А. Чалмаев пишет: «Как великий упрёк свинцовой, тупой и самодовольной косности рождался в Неверове замысел повести "Ташкент – город хлебный". Дети всё же спасут мир, они "докричатся" до самых одичавших или непроснувшихся душ» [1, с. 376].

Для формирующейся советской литературы повесть А. С. Неверова стала ярким художественным достижением и явилась образцом правдивой социальной прозы первой половины 1920-х гг. Напомним, что в советское время она входила в школьную программу по литературе.

Несмотря на явное признание творчества Неверова в целом и повести о путешествии в Ташкент в частности, понастоящему фундаментальные работы о произведении писателя появились лишь в 1950-е гг. Среди них выделяются исследования, выполненные Л. Ф. Гараниной, Н. Г. Каджуни, Б. В. Томашевским. В данных работах устанавливается связь произведений писателя, в том числе повести «Андрон Непутёвый» (1922 г.) и романа «Гуси-лебеди» (1923 г.), с его биографией.

В 1960–1970-е гг. советские литературоведы исследовали отдельные аспекты сочинений Неверова, в том числе их жанровые особенности, систему образов, проявление авторского начала, воплощение в произведениях социально-исторической правды. Так, Л. В. Берловская, говоря о новом для Неверова взгляде на проблему гуманизма в его произведениях 1919–1923 гг., отмечает, что «в послереволюционные годы писатель показал деревню в борьбе за новую жизнь...» [2, с. 97]. В свою очередь, В. П. Скобелев высказывал мысль о том, что герои Неверова в этой повести «выдерживают испытание на человечность» [3, с. 114], а идейная составляющая произведения заключается в том, что автору важно было выразить «могучую мужицкую волю, ... стихийную созидющую силу человека земли» [3, с. 115].

В статье А. И. Ванюкова «О художественном своеобразии повести А. С. Неверова “Ташкент – город хлебный”» обстоятельно проанализированы сюжет и система образов, а также идейная составляющая произведения. Исследователь подчеркнул, что триединый мотив *хлеб – дорога – Ташкент* формирует облик будущего, путь к которому прокладывается «упорством и волей “хороших людей”» [4, с. 121]. Вызывает интерес также мысль исследователя о на-

родных традициях в повести. В частности, звучание речи повествователя напоминает голос народного сказителя, говорящего не только о жизни отдельного человека, но и о судьбе народов.

Зарубежный исследователь наследия Неверова Ф. Мирау сделал обзор восприятия его творчества в Германии в период Веймарской республики (1925–1933 гг.). Он установил, что художественным открытием Неверова стало изображение нового человека через образ Мишки Додонова, чьё путешествие позволяет писателю выразить идею о народе, который «может сеять новое, какие бы препятствия ни ставил ему враждебный мир» [5, с. 174].

В 1970–1980-е гг. весомый вклад в изучение творчества А. С. Неверова внёс исследователь В. А. Чалмаев. Он обнаружил в повести «Ташкент – город хлебный» доведённый до совершенства реализм, а также обратил внимание на народность языка персонажей. Что касается главного героя, то исследователь подчеркнул в его образе «живое воплощение разума, воли к труду, к порядку, долга перед землёй и людьми».¹ Среди литературоведов, посвятивших свои работы анализу прозы Неверова, нужно назвать Л. Е. Кройчика, А. И. Свицерского, Л. А. Финка. Фундаментальное исследование творчества Неверова провела литературовед А. Р. Зайцева. Анализируя художественное своеобразие прозы писателя, она рассмотрела жанрово-стилевые особенности повести «Ташкент – город хлебный». Данное сочинение, а также роман «Гуси-лебеди» исследователь определила как одни из первых в советской литературе «произведений социально-психологического плана», сыгравших важную роль «в общем процессе формирования советской психологической повести и романа» [6, с. 10].

В современном постсоветском российском литературоведении к анализу творчества Неверова обращались такие исследо-

¹ Чалмаев В. А. Солнечная книга Александра Неверова (вступительная статья) // А. С. Неверов. Ташкент – город хлебный. Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман. М.: Правда, 1983. С. 17.

ватели, как М. А. Ицкович, К. И. Морозова, О. Ю. Осьмухина, Д. А. Скобелев, А. С. Туманова, Г. А. Шпилевая.

В ряде работ 2000–2020 гг. литературное наследие писателя рассматривается комплексно и преподносится в качестве одного из важных этапов становления советской прозы 1920-х гг. Так, М. А. Ицкович заостряет внимание на изображении конфликта поколений в творчестве Неверова и других крестьянских писателей Самарского края. В статье Д. А. Скобелева и Г. А. Шпилевой проводятся параллели между прозой Неверова и творчеством Н. А. Некрасова и Г. И. Успенского, а сам автор именуется летописцем «следующего этапа народной жизни» [7, с. 94]. В связи с этим в позднем творчестве Неверова выражается мысль о том, что человек новой эпохи обретает способность «распоряжаться собственной жизнью, “самоопределиваться” в сферах духовных и материальных» [7, с. 95].

Исследователи О. Ю. Осьмухина и Н. В. Чекашева делают акцент на повести о Ташкенте как этапном для отечественной литературы 1920-х гг. произведении, раскрывающем тему беспризорности. Анализируя образ главного героя, литературоведы приходят к выводу, что он «ничем не отличается от беспризорников из рассказов Е. Чирикова, В. Шишкова, В. Авдеева, А. Кожевникова» [8, с. 316]. Другим важным аспектом исследования становится интерпретация повести с точки зрения поиска в ней библейских и фольклорных аллюзий. Так, хлеб в произведении «становится едва ли не евангельским символом, а Ташкент отождествляется с подлинным раем» [8, с. 317]. В свою очередь, сюжетное построение в определённые моменты «сродни сюжету сказочному» [8, с. 320].

В других современных работах о творчестве Неверова также заостряется внимание на изображении автором беспризорности и тяжёлого детства, наполненного совсем не детскими испытаниями. Так, в статье А. Г. Молитвик отмечается, что описание жестокости в повести «Ташкент –

город хлебный» призвано «отразить реальность конкретного периода», а хлеб «являет собой образ надежды» [9, с. 94].

В итоге в работах советского периода идейно-тематическое содержание повести «Ташкент – город хлебный» рассматривалось с акцентом на изображении автором освобождения крестьянского самосознания «от дореволюционных догм» в период становления советской власти и рождения нового поколения людей, которые смогут взять на себя ответственность за будущее страны и народа. В то же время в позднем советском литературоведении появлялись работы, где анализируются жанровые стилистические аспекты неверовской повести и рассматриваются характерные для писателя особенности реалистического повествования. В научных публикациях постсоветского периода творчество Неверова анализируется совокупно, зачастую в сопоставлении с работами его современников, которых объединяет с Неверовым единый историко-литературный контекст.

Общей мыслью литературоведов позднего советского и постсоветского периодов становится акцент на показанной Неверовым созидательной силе многонационального народа, не утратившего веру в лучшее будущее.

Целью настоящей статьи является анализ основополагающего для данного произведения мотива пути на Восток, в течение которого главный герой – Мишка Додонов – переживает духовную трансформацию и вливается в общий народный поток, а также выявление бытовых, культурных и историко-географических реалий Востока и восточных народов, изображённых писателем в тексте.

Гипотеза статьи связана с мыслью о том, что восприятие главным героем Ташкента меняется от идеалистического символа изобилия, нарисованного воображением подростка, к реалистическому, лишённому сказочного ореола образу животворящей земли. Через путешествие Мишки, наполненное встречами с разными попутчиками, посредством описания восточных людей, их отношения к жителям европейской

части Советского государства Неверов доносит мысль об общетрудовом и экономически испытанном пути народов, выживающих совместно внутри общемировых катаклизмов. Путь Додонова к финалу повести сливается с дорогой многонационального народа, столкнувшегося с гражданской войной 1917–1922 гг. и вызванным ею массовым голодом во многих регионах огромной страны.

Анализ семантики дорожных скорбей главного героя

В основе сюжетостроения повести лежит мотив дороги к идиллически хлебному восточному городу, «земле обетованной». Мишка Додонов вынужден после смерти отца позаботиться о матери и младших братьях. Он узнаёт о городе, где нет голода, и потому решает отправиться в Ташкент за дешёвым хлебом.

Мы видим, что с самого начала герой сталкивается со смертью и исполнен желания преодолеть её губительное жало. О. Ю. Осьмухина, анализируя повесть, отмечает мотив смерти как главенствующий в сюжете: «Смерть преследует маленького героя на протяжении всего страшного “путешествия” в “город хлебный”» [8, с. 320]. Мишка уже встретился с этим испытанием (он пережил смерть родных) и потому не пасует перед трудностями, с которыми может быть сопряжён его путь в Ташкент. Героя трижды отговаривают ехать, но он каждый раз стоит на своём и проходит три стадии сомнений. Первая из них – это разговор с мужиками, которые посмеиваются над подростком; следующий этап знаменует разговор с Серёжей Карпухиным, который прямо заявляет товарищу: «Маленькие мы, забоимся».¹ Наконец, заключительным этапом принятия решения становится беседа с матерью, которая просит его не залезать на крышу поезда. Следовательно, решение поехать в сказочный восточный город Ташкент – это этап поэтического увлечения Мишки, му-

жественно решившегося пройти через испытания, подобно Ивану-дураку, вынужденному пойти на риск с тайной верой, что выдержит всё ради счастья своей семьи.

С другой стороны, автор неоднократно подчёркивает, что герой не осознаёт, как устроен этот мир, его план во многом фантастичен, а представления о том, с чем он встретится, наивны. Так, в третьей главе Ташкент в его воображении предстаёт сказочным местом с виноградными садами, и, когда Серёжа упоминает про киргизов, Мишка отвечает: «Если киргизы – люди, чего их бояться?»² Детская доверчивость питает героя надеждой на благополучный исход.

В дальнейшем это сказочное представление о Востоке как земле обетованной разобьётся о суровую действительность, и параллельно с этим окрепнет мужественная решимость идти до конца. Здесь уже начинается не только стремление стать обладателем хлеба, но и борьба за жизнь против смертельного потока. Стремление добраться до Ташкента как места, где нет ни в чём недостатка, поддерживало Мишку до конца пути, укрепляя его веру в добро. Другим важным образом, который помогает герою не сдаться, является преемственность исполнения долга. В тексте неоднократно упоминается отец героя, который перед смертью дал сыну наказ: «Ты, Мишка, за хозяина будешь».³ Этими словами отец возложил на подростка обязательство стать защитником и кормильцем для семьи.

Таким образом, героем движут две внутренние пружины: мечта о спасительном восточном городе изобилия и унаследованная от мужчины-родителя ответственность за мать и братьев. На протяжении исполненного скорбей пути эти внутренние импульсы оберегают его от отчаяния.

Тема ответственности занимает важное место в повести. Когда Мишка уговаривает Серёжу отправиться вместе с ним, то *нехотя* принимает на себя обязательство присмотреть за младшим товарищем.

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 58

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 57.

Додонову трудно и без этого, но ему известно, что измена долгу не вознаграждается: нравственные понятия он почерпнул не из книг, а усвоил их в крестьянской многодетной семье.

Так, в пятой главе главный герой возвращается на станцию и разыскивает Серёжу, после того как тот не смог забраться в вагон; позже Мишка делится с ним хлебом и отчитывает товарища за неумение терпеть: «Какой ты чудной, Серёжка, терпеть не умеешь! Где я возьму хлеба теперь?»¹ А в седьмой главе герой спасает себя и друга от привода в *ортчеку*. Таким образом, Мишка в определённой степени берёт на себя роль старшего брата. При этом он не только занимается воспитанием товарища, но и совершает ошибки, которые после пытается исправить.

Характерным здесь является эпизод из девятой главы, где Серёжа находит гайку. Но Мишка манипулирует товарищем, обманом заставляет того отдать находку и даже считает куски хлеба, которыми поделился с другом. В тринадцатой главе Мишка хочет вернуть гайку Серёже, но не успевает это сделать, т. к. его маленький спутник умирает от тифа. Данный эпизод справедливо трактовать как постепенное избавление Додонова от эгоизма. Раскаяние и совестливые самоупреки послужат в дальнейшем объединению его пути с вектором судьбы народа.

Мотив скорбного пути как сюжетообразующий элемент повести

Исходя из анализа композиционных особенностей повести, отметим, что всё путешествие главного героя в Ташкент распадается на отдельные этапы. Причём поездка в вагоне постоянно чередуется с остановками на станциях, где Додонов получает важные уроки жизни, знаменующие его взросление при приближении к «городу изобилия». Эту особенность повествования отметил в своей статье исследователь Ю. Цзян. Анализируя образ вагона-

теплушки в русской прозе 1920-х гг., в том числе в произведении Неверова, автор пишет, что «сюжет строится вокруг образов станции, поезда и хлеба», а сама «теплушка служит пространством, где происходит взросление Мишки...» [10, с. 125].

Узловыми моментами в повествовании становятся эпизоды, где героя охватывает отчаяние после череды потерь. Так, первый этап пути заканчивается болезнью Серёжи, в четырнадцатой главе Мишку обвиняют в воровстве; позже у него крадут мешки с вещами, после чего Додонов узнаёт о смерти друга и оказывается перед лицом гибели: «Встала над Мишкой сухая, голодная смерть, дышит в лицо ржавым солёным хлебом».²

Но в критические моменты почти всегда, как в сказках, русских и восточных, случаются чудесные встречи, и на помощь герою приходят неравнодушные к чужой беде люди. Так, в двенадцатой главе Мишку и Серёжу сажает в санитарный вагон сестра милосердия. В пятнадцатой и восемнадцатой главах юному герою помогает товарищ Дунаев, который кормит его горячим обедом и приказывает помощнику посадить Мишку на поезд до Ташкента. Впоследствии Додонов встречает Трофима и машиниста Кондратьева, которые выручают его в минуты наибольшего отчаяния.

Многим своим попутчикам мальчик рассказывает истории, в которых далеко не всё является правдой. Так, товарищу Дунаеву он сообщает, что вместе с отцом отправился в Ташкент, «а отец дорогой помер».³ В двадцатой главе, в сцене остановки в Оренбурге, он рассказывает Прохору, Еропке и другим соседям по вагону, что едет в Ташкент по приглашению своего дяди – влиятельного комиссара, который поставит его «на хорошую должность».⁴ Даже машинисту Кондратьеву Мишка сообщает не всю правду, а приукрашивает её, говоря, что в Ташкенте его ждут родственники: «Два раза писали они Мишкиной ма-

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 102.

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 68.

тери и очень просили, чтобы он приехал».¹ Безусловно, главным поводом для лжи у подростка является стремление выжить и получить необходимую помощь от чужих людей.

Не менее важной причиной является его подсознательное желание добраться до Ташкента и обрести там всё то, чего он лишён в реальности, но изо всех сил хотел бы иметь. Именно поэтому герой часто упоминает родственников, якобы ожидающих его в Ташкенте, а отец в рассказах Мишки не умер, а просто разминуслся с сыном. Борясь за жизнь, Додонов делает живыми и реальными тех, кто любит или мог бы любить его. Важной деталью, подчёркивающей связь с отцом, становится картуз, который Мишка всякий раз поправляет в минуту испытаний, а также ножик – единственный ценный предмет, чудом сохранившийся у него и символизирующий надежду добраться до Ташкента.

Каждый новый отрезок дороги к Востоку полон недетских трудностей, которые не только испытывают подростка на прочность, но и всё больше отдаляют его от дома и по существу, как мог бы рассудить рационалист-читатель, обрывают надежду увидеть мать и младших братьев живыми. Важную роль в связи с этим играют в сюжете мысли и сны главного героя. Так, в начале путешествия Мишка представляет мать, которая радуется его возвращению: «Ах, Миша, Миша! Какой ты хороший сынок, заботишься о нас...»² А в тридцатой главе, во время блуждания по степи, он думает, что родных, возможно, нет в живых или что они утратили надежду когда-нибудь встретить его: «Мать, наверное, думает: едет сынок или умер давно?»³

Таким образом, скорбь главного героя связана ещё и с тем, что по мере удаления от дома он теряет связь с родными, а желание попасть в заветный восточный городсад превращается в опору души, добрую грёзу, символ веры в жизнь и родство

людей. Единственный раз, когда Мишка представит во сне своих родных живыми, случится в тридцать первой главе, перед тем как Кондратьев сообщит ему о приближении к Ташкенту. Это станет свидетельством того, что в машинисте он на короткое время обрёл отцовскую защиту.

Образ Востока и вера народная в повести

Образ Востока в произведении Неверова раскрывается постепенно. Если сначала восточный край представляется Додонову местом изобилия и богатства, то во второй половине повести изображение Востока становится более реалистическим. Причём вера в Восток, в частности в Ташкент как благодатное место передаётся Мишке от его земляков. Так, в третьей главе в таком ключе про Ташкент говорили мужики, которые «дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и богарной».⁴ В семнадцатой главе герой слышит подобные речи о Самарканде, находящемся восточнее Ташкента. А про азиатов проезжающие сообщают, что те готовы отдать хорошие деньги за разные вещи: фабрик у них нет, поэтому и самовар, и часы, и одежду они ценят дорого.

Эти мысли поддерживают Мишку, не позволяя ему сдаться во время испытаний. Так, после потери мешков для хлеба и бабушкиной юбки в семнадцатой главе он находится в отчаянии, потому что собирался продать эти вещи и выручить деньги на хлеб. Но уже в девятнадцатой главе Додонов снова обнадёженно вспоминает о приобретении, которое компенсируется в Ташкенте: «Если посчастливится на работу поступить, мешки можно новые достать».⁵ Такую же надежду на Восток разделяют и его соседи по вагону. При этом по мере приближения к цели эта надежда угасает. Так, сломанные часы Еропки не годятся для продажи, а Семён, купивший в Оренбурге сразу четыре юбки, узнаёт, что киргизские женщины их не носят.

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 140

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 99.

Более подробное описание восточных жителей приводится в двадцать третьей главе, когда во время остановки на очередной станции попутчики Мишки пытаются продать киргизам различные вещи. И если в начале повести главный герой ещё ничего не знает о восточном народе, то теперь подросток видит в них обычных людей, разговаривающих на непонятном языке. При этом ни у Мишки, ни у его попутчиков-мужиков не получается, вопреки сложившимся у них стереотипам, обмануть киргизов. Так, один из восточных жителей «сердито плюётся», когда один из русских пытается выменять у него пуд зерна за дешёвую вещь: «Э-э, урус!»¹ И сам Додонов едва не теряет единственную оставшуюся у него ценность – отцовский нож. При этом отметим, что все события автор преподносит через призму взгляда ребёнка, поэтому его сознание фиксирует необычные детали, делающие образы восточных людей гипертрофированными. Так, язык киргизов для Додонова является сочетанием непонятных звуков, сами местные жители ходят, несмотря на жару, в меховых шапках, а у одного из них Мишка замечает чёрные зубы.

Однако по мере продвижения главного героя к Ташкенту изображение восточных людей становится более привлекательным. Так, в сцене продажи пиджака Мишка и его товарищ Трофим говорят с киргизами по-русски. И если предыдущая попытка сбыть вещи окончилась для главного героя неудачей, то сейчас с помощью Трофима ему удастся обмануть киргизов и получить за пиджак хорошие деньги. Впоследствии, когда Додонов в двадцать восьмой главе разлучается с Трофимом и оказывается в одиночестве сначала посреди пустыни, а затем – на заброшенной станции, он убеждает от киргизов, один из которых, как показалось подростку, хотел ограбить его. Через данную сцену автор доносит мысль о том, что сами представители народов Востока нуждались в хлебе не меньше, чем те, кто приехал из России.

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 110.

Окончательно Додонов понимает это в финале тридцать первой главы, когда, попав на ташкентскую станцию, он видит лежавших там чёрных от солнца больных и умирающих людей. Но, достигнув цели, герой как будто отворачивает лицо от смерти, преследующей людей и здесь, в Ташкенте, после чего он скрывается за углом улицы, а его дальнейшую судьбу мы узнаём из ретроспективной вставки в заключительной главе.

Автор на протяжении повествования подчёркивает мотив скорбного пути, постоянно соотнося горе главного героя со страданиями и голодом тысяч людей, стремящихся обрести лучшую долю в Средней Азии. Поэтому смерть, сопровождающая Мишку в дороге, касается как близких ему людей, так и совершенно незнакомых, и одолевают героя те же самые заботы, что мучают его попутчиков. В частности, в начале шестнадцатой главы Мишка видит предсмертное состояние молодой женщины, изнемогшей от тяжёлой работы, а через некоторое время узнаёт о смерти Серёжи. Причём в обоих случаях окружающие реагируют на смерть буднично, ведь это стало для всех обыденностью, бытовым, а не бытийным явлением.

При этом отметим, что внутренний голод, зовущий героя ехать дальше, объединяет его с другими страдальцами, а свою веру в обретение спасения на Востоке герой черпает из веры народной. Как и его попутчики, Мишка хочет найти в Ташкенте дешёвый хлеб, рассчитывает получить хорошую выручку при продаже вещей, думает, что легко сможет обмануть местных жителей. Однако на практике всё выходит иначе. Встреченные им на станциях киргизы так же, как и выходцы из Поволжья, нуждаются в деньгах и в пропитании, они не хотят отдавать лишние деньги за дешёвые или некачественные вещи и точно так же готовы обманывать русских беженцев. В подтверждение высказанной мысли можно привести сцену из двадцать восьмой главы, когда Мишка и Трофим в компании старика, женщины, девочки и солдата и ещё трёх незнакомых

им людей совершают переход через пустыню до станции, откуда отправится поезд на Ташкент. Автор заостряет внимание на моменте, когда мучимый голодом главный герой отрывает и кладёт в рот кусочек оставшегося у него хлеба, а их с Трофимом спутники готовы наброситься на него и отнять «последнюю радость».¹ Эта сцена соотносится с похожим эпизодом из тридцатой главы, когда Додонов убегает от незнакомого киргиза.

Авторская мысль о разрушении иллюзий о «хлебном» Ташкенте подаётся не только через изображение внешности восточных людей и их отношения к приезжим, но через показ ландшафта среднеазиатской земли.

Образ города-сада деформируется в сознании главного героя на протяжении всего пути. На каждом отрезке дороги он видит картины запустения и разрухи. В первых главах устойчивыми в тексте становятся описания оврагов. Так, в четвёртой главе Мишка предостерегает Серёжу от возвращения домой через Ефимов овраг, где «жулики по ночам сидят».² В восьмой главе поезд проносится мимо оврагов, которые бросаются в глаза «чёрными разинутыми ртами».³ В дальнейшем устойчивыми образами становятся заброшенная станция и пустырь. Так, в десятой главе за станцией, где герои ждали поезда на Ташкент, располагались пустырь и луговина с грязными канавами. Подобное описание автор усиливает изображением внешности людей, словно теряющих человеческий облик. Подтверждение находим в начале девятнадцатой главы, где люди, которых Додонов видит в темноте вагона, похожи на «короткие обезображенные туловища с двигающимися бородами».⁴ Не случайно и с Трофимом Додонов знакомится на заброшенной станции, за которой находится мусорный ящик, а запустение усиливается описанием бродячих собак.

Помимо Трофима, герой встречает многих обездоленных попутчиков, представления которых о Востоке претерпевают изменения. Главное, что роднит подростка с людьми на станциях, – это страх остаться вне поезда и прекратить движение. Поэтому каждый раз, когда возникает такая опасность, на Мишку наваливается горе, подобное тому, которое охватывает людей, ожидающих поезд: «Ещё одним горем прибавилось в гуще голодных и злых, переполнивших маленькую киргизскую станцию».⁵

Одним из ключевых образов, позволяющих автору представить реальный Восток, становится степь, описанная в 27–30 главах. Главными характеристиками степи становятся её беспредельность и тишина. Если в первых главах изображение станций сопровождалось описанием многочисленных звуков: руганью мужиков, плачем детей, криками женщин, – то, начиная с двадцать четвёртой главы, усиливается акцент на царящем в степи безмолвии. В частности, после знакомства с Трофимом главный герой слышит плач женщины и ребёнка в непроницаемой степной тишине, а в тридцатой главе, оставшись в одиночестве, Мишка видит чёрное звёздное небо и лишённую звуков степь.

Описанные в этих главах события можно интерпретировать как пересечение своеобразного рубежа между западной и восточной цивилизациями, а также как обретение выходцами с Запада родства с Востоком. Показательной в этом отношении становится описанная в двадцать девятой главе смерть старика, когда тот вспоминает родные просторы и «в порыве последней любви целует степную киргизскую землю, как свою, любимую...»⁶

Здесь уместно провести параллель со сценой из тридцатой главы, в которой Додонов сам находится на грани смерти. Он боится бродячих в степи собак и притворяется мёртвым, однако во сне вспоминает родной дом и видит уже не степных собак, а своих, «лопатынских», что возвращает ему силы и

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 131.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Там же. С. 133.

позволяет продолжить путь. Данный эпизод в соотнесении со сценой из двадцать девятой главы позволяет говорить о том, что автором указан новый вектор движения многонационального народа, который может преодолеть выпавшие на его долю невзгоды путём объединения в масштабах огромной советской страны.

В итоге скорбный путь одного человека в заветный Ташкент сливается с трагическим передвижением огромного числа людей. Подобную мысль о безвыходном положении народа, оказавшегося заложником хаоса в стране, можно найти в произведениях других русских писателей и поэтов, которые были современниками Неверова и остро чувствовали боль своих соотечественников. Среди них отметим Маяковского, Есенина, Пришвина, Платонова, Вс. Иванова. Так, анализируя поэму «Без Христа» (1922), созданную русским поэтом *первой волны* эмиграции В. А. Сумбатовым, исследователь Л. Ф. Алексеева пишет: «В поэме Сумбатова многогранно запечатлены через отдельные возгласы толпы бесчисленные фантазии, версии, идеи, побуждения. Международное положение во времена “роковые” волнует в России все слои населения, включая простонародье» [11, с. 87]. При этом замечено, что полилог как художественный приём находился «в фокусе внимания многих писателей первой трети XX века» [11, с. 87]. Похожее многоголосие мы наблюдаем и в неверовском произведении.

Соотнесение скорбного пути главного героя с народной судьбой

Символизм вышеупомянутого фрагмента из тридцатой главы усиливается за счёт использованных автором библейских аллюзий. Сам переход через степь напоминает путь еврейского народа под предводительством Моисея к земле обетованной. На это обратила внимание в своей статье исследователь О. Ю. Осьмухина, отметившая, что в мыслях и снах Мишки «упоминаются важнейшие новозаветные “атрибу-

ты” Рая небесного – виноград и пшеница» [8, с. 317].

Литературовед К. И. Морозова, разбирая другое произведение Неверова – рассказ «Весёлые ребята» (1922), – также обнаруживает отсылки к библейским сюжетам. Так, в одной из частей рассказа «Неверов обращается к тексту Священного Писания, сравнивая комнату Бегунка с землёй Ханаанской» [12, с. 595].

В повести о Ташкенте главный герой постепенно становится неотъемлемой частью народной толпы, адаптируется к ней, но происходит это не сразу. Так, Мишке и Серёже не удаётся с первой попытки сесть в поезд: «У вагона вертятся мужики с бабами, топчут, мнут, к дверям не подпускают».¹ Далее, во время остановки на станции, когда Додонов с товарищем стоят около чужого жарника, их прогоняет незнакомая женщина, а в четырнадцатой главе герою на базаре не только не подали милостыню, но и обвинили в краже хлеба.

Однако впоследствии ситуация меняется. Додонов получает необходимую помощь и со встретившимися в дороге людьми, обретая опыт общения, постепенно устанавливает контакт. Показателен в этом плане описанный в 19–22 главах отрезок пути, который Мишка проводит в компании незнакомых мужиков. И если сначала они вовсе не видят подростка, а заметив, хотят сбросить его с поезда, то потом проникаются к нему доверием, хотя и добился этого Мишка путём обмана. В результате герой вливается в народный поток и действует не обособленно, а вместе с другими людьми. В тридцатой главе, после знакомства с Кондратьевым, он сам становится частью народа и разговаривает с людьми на станции без недоверия и обиды. Так, он с сочувствием смотрит на умершего пассажира, сообщает мужикам о переходе через степь, показывает стрелочнику перочинный ножик и даже не обижается на слова: «А ну тебя к чертям, мальчишка, надоели вы, как собаки!»²

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 71.

² Там же. С. 144.

Встреча с машинистом Кондратьевым знаменует не только финальную часть пути героя, но и последний этап участия в общенациональном процессе выживания. Не случайно и то, что заключительный отрезок дороги Мишка преодолевает, находясь в самом паровозе. В повести паровоз вызывает ассоциации с железной стихией, которая несёт героев в неопределённую перспективу. Такое описание движения машины подчёркивается с помощью многочисленных олицетворений: «Громко орал паровоз на подъёмах, скобился, пыхтел, а под гору падал стремительно, точно в пропасть огромную».¹ Эта деталь позволяет провести параллель между паровозом как символом технократической цивилизации и стихией перемен в стране, итог которых нельзя предсказать, как и невозможно предугадать, к чему приведёт поездка в Ташкент.

Таким образом, новая стихия подхватывает героя и несёт его прочь от дома и неизвестность вызывает у Мишки жуткое чувство падения в бездну. Когда Додонов с Трофимом едут на крыше вагона, порыв ветра готов сбросить их «в безлюдную степь».² Точно такую же непреодолимую стихию олицетворяет в повести толпа, которая готова раздавить героя: «Колыхнёт живая стена, двинет локтями, попятится задом, отбросит в сторону...»³ Однако встреча с добрыми людьми, преодоление сосредоточенности на себе, недоверия и страха приводит к слиянию судьбы героя с общей судьбой людей, для которых важны не социальные, культурные и национальные различия, а дух единения перед общими для всех народов испытаниями.

Заключение

В итоге показанная автором духовная трансформация главного героя становится метафорой обретения многонациональным народом своей идентичности. Так же,

как и Додонов, народ в неверовской повести преодолевает свою обособленность, эгоизм и хищническое отношение друг к другу; в результате образы и русских, и киргизов лишаются гипертрофированности, наблюдаемой в начальных главах, и приобретают конкретные человеческие черты к финалу произведения. Жителям степи свойственны те же недостатки, что и беженцам с Запада, они сталкиваются с теми же трудностями, что и русские люди. И лишь обретение единого пути может помочь им решить проблемы. Не случайно в Ташкенте после долгих скитаний и лишений Додонов устраивается работать в садах богатого узбека, а в Лопатино возвращается вместе с другими мужиками и решает заново строить здесь хозяйство.

Скорбный путь героя к Востоку соотносится также с принятием им и всем народом реальности, отодвигающей сказочное представление о Ташкенте как городе всеобщего благоденствия. Данная мысль доносится не только через описание восточных жителей, но и посредством изображения заброшенных станций, а также ландшафтов среднеазиатской степи, её образов и звуков, ключевыми из которых к тридцатой главе становятся беспредельность и тишина. Это позволяет автору показать переломный момент путешествия героя и выразить мысль о соединении пути западного и восточного. Не случайно и сам главный герой обретает веру, а образ Востока в его сознании окончательно лишается ложноромантических черт.

В ходе движения на Восток путь главного героя распадается на этапы, каждый из которых знаменует череду потерь: смерть друга, утрату надежды увидеть семью, потерю вещей, символизирующих его связь с прошлой жизнью. Одновременно на протяжении дороги к Ташкенту автор вместе с героями выдвигает новый вектор развития многонационального народа – это путь созидательного труда, объединяющего Запад и Восток молодой Советской страны. Поэтому после всех испытаний подросток приобретает истинную силу и готов стать

¹ Неверов А. Избранное. М.: Советская Россия, 1977. С. 99.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 120.

главой семейства, мужицким кормильцем, хлебопашцем, тружеником и хозяином.

Практическая значимость статьи обусловлена возможностью изложенных в ней наблюдений и выводов для более обстоятельного изучения повести «Ташкент – город хлебный» и других произведений позднего творчества Неверова студентами-филологами и школьниками. Для молодёжи особенно важно конкретное постижение истории России и стран Востока, в прошлом входивших в состав Российского

государства, а затем – Советского Союза, теперь же оказавшихся в новом историческом пространстве. Перспективным в плане исследования выглядит проведение сравнительно-сопоставительного анализа неверовской повести с романом Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» (2021), посвящённым выживанию беспризорных детей по пути в Узбекистан и содержащим отсылки к советской прозе 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чалмаев В. А. Серафимович. Неверов. М.: Молодая гвардия, 1982. 399 с.
2. Берловская Л. В. К проблеме гуманизма в послеоктябрьской прозе А. Неверова // Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания / под ред. В. П. Скобелева, Н. И. Страхова. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. С. 92–97.
3. Скобелев В. П. А. Неверов и А. Яковлев (О народном характере как социально-исторической и этической категории в русской советской прозе 20-х годов) // Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания / под ред. В. П. Скобелева, Н. И. Страхова. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. С. 101–119.
4. Ванюков А. И. О художественном своеобразии повести А. Неверова «Ташкент – город хлебный» // Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания / под ред. В. П. Скобелева, Н. И. Страхова. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. С. 120–135.
5. Мирау Ф. «Человеческий, социальный и художественный документ...» (А. Неверов в Германии 1925–1933 гг.) // Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания / под ред. В. П. Скобелева, Н. И. Страхова. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. С. 171–183.
6. Зайцева А. Р. Проза А. С. Неверова (проблема художественного своеобразия): дис. ... канд. фил. наук. Л., 1985. 211 с.
7. Шпилева Г. А., Скобелев Д. А. А. С. Неверов (1886–1923) – писатель «переходного» времени (традиционное и новаторское в произведениях художника) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 91–96.
8. Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В. Повесть А. Неверова «Ташкент – город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 310–327. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327.
9. Молитвик А. Г. Жестокость в детской прозе начала XX века // Детская литература на современном этапе: материалы международной науч. конф., посвящённой 140-летию К. И. Чуковского (Минск, 6–7 октября 2022 г.) / под ред. Л. Л. Авдейчик, Е. С. Ивановой, Л. В. Камлюк-Ярошенко. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 91–95.
10. Цзян Юньсюе. Образ теплушки в прозе 1920-х годов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 121–133. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-2-119-9.
11. Алексеева Л. Ф. Василий Александрович Сумбатов – русский поэт XX века. 2-е издание, испр. и доп. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 282 с.
12. Морозова К. И. Весёлые ребята: А. К. Гольдебаев и А. С. Неверов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 3. С. 594–600. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-594-600.

REFERENCES

1. Chalmaev, V. A. (1982). *Serafimovich. Neverov*. Moscow: Molodaya Gvardiya publ. (in Russ.).
2. Berlovskaya, L. V. (1972). On the Problem of Humanism in A. Neverov's Post-October Prose. In:

- Alexander Neverov. From the Writer's Archive. Research. Memories.* Kuibyshev: Kuibyshev publ., pp. 92–97 (in Russ.).
3. Skobelev, V. P. (1972). A. Neverov and A. Yakovlev (On National Character as a Social Historical and Ethical Category in Russian Soviet Prose of the 1920s). In: *Alexander Neverov. From the Writer's Archive. Research. Memories.* Kuibyshev: Kuibyshev publ., pp. 101–119 (in Russ.).
 4. Vanyukov, A. I. (1972) On the Artistic Originality of A. Neverov's Story "Tashkent, the City of Bread." In: *Alexander Neverov. From the Writer's Archive. Research. Memories.* Kuibyshev: Kuibyshev publ., pp. 120–135 (in Russ.).
 5. Mirau, F. (1972). "A Human, Social, and Artistic Document..." (A. Neverov in Germany, 1925–1933). In: *Alexander Neverov. From the Writer's Archive. Research. Memories.* Kuibyshev: Kuibyshev publ., pp. 171–183 (in Russ.).
 6. Zaitseva, A. R. (1985). *A. S. Neverov's Prose of (the Problem of Artistic Originality):* [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
 7. Shpileva, G. A. & Skobelev, D. A. (2018). A. S. Neverov (1886–1923), the Writer of the "Transitional" Time (Traditional and Innovative in the Artist's Works). In: *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3, 91–96 (in Russ.).
 8. Osmukhina, O. Yu. & Chekasheva, N. V. (2023). A. Neverov's Story "Tashkent, the City of Bread" in the Context of Russian Prose about Street Children of the 1920s. In: *Scientific Dialogue*, 12 (5), 310–327. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327 (in Russ.).
 9. Molitvik, A. G. (2023). Cruelty in Children's Prose of the Early Twentieth Century. In: *Children's Literature at the Present Stage: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 140th Anniversary of K. I. Chukovsky (Minsk, October 6–7, 2022).* Minsk: Belarusian State University publ., pp. 91–95 (in Russ.).
 10. Jiang Yunxue (2024). The Warehouse Car Image in the Prose of the 1920s. In: *Cherepovets State University Bulletin*, 2 (119), 121–133. DOI: 10.23859/1994-0637-2024-2-119-9 (in Russ.).
 11. Alekseeva, L. F. (2023). *Vasily Aleksandrovich Sumbatov – Russian Poet of the 20th Century.* Moscow: Federal State University of Education (in Russ.).
 12. Morozova, K. I. (2022). Jolly Fellows: A. K. Goldebaev and A. S. Neverov. In: *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 32 (3), 594–600. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-3-594-600 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Санатов Кирилл Валерьевич (г. Москва) – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: kirill.sanatov@mail.ru; ORCID: 0009-0000-9507-0463

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirill V. Sanatov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology;
e-mail: kirill.sanatov@mail.ru; ORCID: 0009-0000-9507-0463